

ВОЕННАЯ
ТАЙНА

с ИГОРЕМ ПРОКОПЕНКО

ИГОРЬ ПРОКОПЕНКО

ТАЙНЫ ПОДНЕБЕСНОЙ

ВСЕ, ЧТО НУЖНО
ЗНАТЬ О КИТАЕ

Военная тайна с Игорем Прокопенко

Игорь Прокопенко

**Тайны Поднебесной. Все,
что нужно знать о Китае**

«ЭКСМО»

2016

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

Прокопенко И. С.

Тайны Поднебесной. Все, что нужно знать о Китае /
И. С. Прокопенко — «Эксмо», 2016 — (Военная тайна с Игорем
Прокопенко)

Новая книга известного тележурналиста Игоря Прокопенко посвящена одной из наиболее актуальных сегодня тем – отношениям России и Китая. Анализируя развитие китайской цивилизации, глубоко вникая в причины китайского «экономического чуда», автор размышляет над главным вопросом: является сегодня Китай союзником или потенциальным противником нашей страны? Верно ли утверждение, что «русский с китайцем – братья навек»? И сколько раз за последние два столетия оно проходило «проверку на прочность»? Правда ли, что спецслужбы СССР готовили загадочный «проект 571» – убийство китайского лидера Мао Цзэдуна? Насколько безопасна для России дружба с Китаем? Она сулит взаимовыгодные и равноправные отношения или северная держава будет скована «в объятиях желтого дракона»? Действительно ли гора Тайшань, одна из пяти священных вершин даосизма, хранит древнюю тайну таинственных божеств? Неужели Китай может по праву именоваться «страной пирамид»? Какую тайну таит в своих глубинах «китайский Байкал» – озеро Фушиан Ху? Правда ли, что на дне этого озера археологи обнаружили следы древней цивилизации? Действительно ли даосы Древнего Китая владели рецептом эликсира молодости и с его помощью могли продлевать жизнь до трехсот лет?

УДК 94(510)
ББК 63.3(5Кит)

© Прокопенко И. С., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	9
Глава 2	17
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Игорь Прокопенко

Тайны Поднебесной. Все,

что нужно знать о Китае

© Прокопенко, И., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

© ЗАО «Телекомпания «ФОРМАТ ТВ», 2016

Предисловие

Китай. Наш великий восточный сосед. Государство, у которого самая большая армия в мире и самая загадочная политическая система, построенная на принципах коммунистического капитализма. Страна, которая после веков нищеты и отсталости сделала невероятный экономический рывок, превратившись в мировую фабрику, и раскинула свои щупальца по всему миру, опутав континенты сетью китайских городов-чайнатаунов численностью в сотни миллионов дисциплинированных, трудолюбивых, и преданных только своей родине китайцев. Держава, которая сегодня становится нашим важнейшим стратегическим партнером не только в экономике, но и в политике. Но что мы знаем о Китае?

Откровенно говоря, не очень много. Для большинства из нас Китай до сих пор ассоциируется с дешевыми некачественными товарами. Короткой и странной дружбой времен Мао и Сталина, а потом – кровавыми событиями на Даманском. Еще мы помним, что во времена Мао Цзэдуна в Китае был популярен лозунг возвращения так называемых исконных земель. А таким землями Великий Кормчий считал чуть ли не все территории СССР вплоть до Урала. Именно поэтому сегодня у нас принято пугать население китайской угрозой. Вот, мол, придут китайцы и оттяпают половину России-матушки. Однако мало кто знает, что в 2005 году, уже во времена Путина, пограничный вопрос между Россией и Китаем был решен аккуратно, быстро и без лишнего шума. Передав китайской стороне несколько гектаров спорных территорий, руководство нашей страны решило пограничный вопрос на вечные времена. Теперь, пожалуй, впервые за несколько веков Китай не имеет к России территориальных претензий. Мало того, теперь в Китае за публичные призывы восстановления империи в границах времен Чингисхана можно и в тюрьму угодить. За это существует уголовная статья, и даже для дискуссий внутри страны – эта тема небезопасна. Другое дело – экономическая экспансия. Кстати, мало кто знает, что сегодня экономическому сотрудничеству российского Дальнего Востока и приграничного Китая могут позавидовать самые продвинутые члены Евросоюза...

Принято считать, что в политическом плане Китай представляет собой единый непоколебимый монолит. В правящей Коммунистической партии Китая царствуют единодушие и демократический централизм. Однако внутри партии существуют мощные группировки, и борьба не на жизнь, а на смерть, а в самом обществе немало серьезных проблем.

Пока Китай был беден и проводил социальные эксперименты, типа культурной революции, разница между богатыми и бедными кланами была не так заметна. Все изменилось после того, как в конце 70-х годов Дэн Сяопин начал китайскую перестройку. И в Поднебесной появились свои Ротшильды и Рокфеллеры. Сегодня, по мнению экспертов, власть в Китае принадлежит нескольким партийным кланам, которые ведут между собой отчаянную борьбу.

Надо сказать, что крушение и распад Советского Союза оказались для Китая личной трагедией. Было от чего задуматься патриархам китайского коммунизма. Ведь политическая система в Китае была аналогична советской. И если советская империя рухнула, значит, что-то было в ней не так. Но что? Пытаясь ответить на этот вопрос, китайцы поступили по-восточному pragmatically. Они создали несколько научно-исследовательских институтов, в которых день и ночь сотни историков, политологов, экономистов искали ответ на вопрос – что у Большого советского брата было не так? И что нужно сделать, чтобы Китаю не повторить его печальный опыт? Ответ оказался до обидного простым. Советский Союз погубил принцип несменяемости элиты, когда из Политбюро выносили только на кладбище, когда партийная номенклатура была несменяема, когда экономикой руководили люди, опиравшиеся исключительно на опыт первых пятилеток. Китай сделал вывод. И сегодня ротация партийной элиты в Китае – главный и основополагающий принцип существования современного Китая. Другими словами: сделал – не сделал – слазь. Партийная элита обновляется каждые 20 лет. Эта смена носит характер

плановый и неизбежный, и ни одна партийно-финансовая группировка не может претендовать на власть бесконечно.

Книга, которую вы держите в руках, – результат работы большого количества авторов творческого объединения «Военная тайна». Эта книга строго документальна, и в ней мы собрали самые интересные факты о нашем восточном соседе и попытались ответить на самые насущные вопросы об отношениях между Россией и Китаем.

Глава 1

Китайская грамота

Россия и Китай. Два великих соседа. Две огромные империи, которые в течение многих веков живут бок о бок. В это трудно поверить... Пожалуй, это единственный случай в истории человечества – когда два соседних государства никогда не воевали по-настоящему. Были стычки, конфликты, непонимание, пограничные споры. Но большой войны – нет!

Первая попытка определить границу между Россией и Китаем произошла в 1689 году. На приезд русской миссии китайцы отреагировали весьма своеобразно: послов захватили в плен и заставили боярина Головина подписать так называемый Нерчинский договор, по которому большая часть Приамурья отходила к Китаю. Однако хитрый дипломат Головин настолько туманно изложил текст документа, что он фактически утратил всякий смысл. Лишь 200 лет спустя Москва предприняла вторую попытку. Учтя опыт предшественника, генерал Ильин прибыл в Пекин всесильным посредником между Китаем и Англией. Красным карандашом он лично прочертит на карте новую границу, которая, очевидно для простоты, прошла строго по рекам Амур и Уссури. Решение было гениально простым – но в нескольких местах рука генерала дрогнула, и линия оказалась неровной. Поэтому всего через сто лет каждая из сторон стала считать речку своей – так же, как и остров Даманский.

Виталий Воробьев, посол по особым поручениям МИД Российской Федерации, спецпредставитель президента России по делам Шанхайской организации сотрудничества, поясняет: «Весь вопрос был в том, что, по старым договорам между Россией и Китаем, водная поверхность рек не делилась. Она была общим владением. Острова, которые находились на этих реках, никогда не определялись, кому именно что именно принадлежит, и это нигде не было зафиксировано. Исторически, традиционно, какие-то воспринимались как российские, и наоборот. По нашему пониманию, практически вся водная поверхность была под охраной Советского Союза».

Что же давало повод Москве считать именно так? В 1924 году в обстановке строгой секретности в Китай прибыл будущий советский маршал Блюхер, чтобы наладить боевую подготовку армии Поднебесной. Однако это задание было, по большому счету, лишь прикрытием – помимо него Блюхер имел инструкцию внедрить в руководство республики агентов влияния. Выбор пал на молодого перспективного офицера Чан Кайши. Спустя несколько лет Москва жестоко раскается в этом выборе.

Чан Кайши

Но это будет позже, а пока Stalin, пользуясь тем, что границы между Китаем и Россией по-прежнему нет, торопился помогать китайскому правительству, в котором было немало коммунистов. Планам руководителя СССР сбыться было не суждено: в 1927 году Чан Кайши возглавил антикоммунистический переворот. Страна утопала в крови, советское посольство в Китае было разгромлено, тела советских дипломатов лежали на улице. Непостижимо, но практически сразу же после этого Чан Кайши отправил секретное письмо в Москву.

Трудно представить, что думал и чувствовал Stalin, принимая гонца из Пекина, – ведь Чан Кайши был его личной ошибкой. Однако буквально через час в кабинет вождя был вызван нарком иностранных дел, который получил указание удовлетворить просьбу Чан Кайши и вос-

становить с Пекином дипломатические отношения. Лишь много лет спустя стало известно, что заставило Сталина решиться на этот шаг.

От нашего разведчика в Лондоне пришла шифровка: англичане ведут переговоры с Токио о нападении на Китай. 7 июля 1937 года Япония начала боевые действия. Ровно через неделю, 14 июля, Советский Союз демонстративно подписал с Китаем договор о ненападении, а наш консул в Пекине получил секретную шифротелеграмму с новыми инструкциями. В этот день еще никто не знал, что за два месяца до этого в Кремле состоялась встреча Сталина с одним из высокопоставленных представителей китайского руководства.

Вот что рассказывал мне непосредственный участник тех событий, **академик Сергей Тихвинский, чрезвычайный и полномочный посол в отставке, советский консул в Китае с 1939 по 1950 год, а на тот момент сотрудник НКИД**: «*В мае месяце меня вызвал министр, ставший впоследствии наркому, – Молотов. Мне сказали, что я должен перевести его беседу с председателем Законодательного Юана Китая доктором Сунь Фо, сыном Сунь Ятсена. И там я чуть было не застыл от удивления, потому что кроме Молотова, с которым я утром познакомился, были еще Сталин, Ворошилов, Микоян и замминистра Потемкин*».

Записей этой беседы не сохранилось, однако известно, что уже через несколько недель в Китай отправились эшелоны с оружием и продовольствием. Китайской армии они были нужны как воздух. МИДовские архивы хранят удивительную тайну тех жарких месяцев: как ни странно, против советской помощи выступили именно союзники. Англия и Франция под разными предлогами запрещали провоз грузов через свою территорию, и Китай оказался на грани капитуляции. В этих условиях дипломат Сергей Тихвинский по личному приказу Сталина отправился туда консулом. Вот как он описывал те события в нашей беседе.

Сергей Тихвинский: «*Когда я поехал в Китай, меня инструктировал замминистра Лозовский. Наши посол там – Александр Семенович Панюшкин – уже на месте обрисовал обстановку. Задача нашей дипломатии была в том, чтобы Китай не капитулировал перед Японией. Такая возможность была весьма реальной*».

Поразительно, но именно Мао Цзэдун, в пору его политической молодости, оказался главной и единственной причиной, по которой мы не могли допустить капитуляции Китая, – а наши союзники желали ее, быть может, даже больше, чем поражения Германии. К этому времени Китай представлял собой яблоко, разрезанное пополам, и одна половинка, возглавляемая Мао, была коммунистической. Получая помощь из Москвы, вооруженные отряды Мао Цзэдуна успешно воевали с японцами. Другая половинка китайского яблока – недовербованый Сталиным Чан Кайши. Он японцев, конечно, не любил, но еще больше не любил коммунистов и, согласно тайной договоренности с Западом, готов был сдаться, чтобы потом совместно с японскими оккупантами окончательно ликвидировать компартию и установить буржуазное правление.

Надо сказать, что план был всем хорош: неизбежная капитуляция Японии, которая и произошла чуть позже, свела бы в итоге к нулю все поражения Чан Кайши на японском фронте. Но в этом плане была упущена одна небольшая деталь – население Китая. В то время китайцы, быть может, и не очень-то понимали, что принесет им коммунизм, зато прекрасно догадывались, чего можно ждать от заносчивого и жестокого Чан Кайши. А сильнее всех этих непониманий и догадок была вековая ненависть к японским захватчикам – и это означало, что Чан Кайши со всеми своими благими намерениями обречен. С кучкой сторонников ему пришлось бежать на остров Тайвань, где в течение многих лет он создавал свое игрушечное государство. Впрочем, это уже другая история.

В начале 1949 года Мао Цзэдун вошел в Пекин. В те дни мир висел буквально на волоске. Ситуация была настолько взрывоопасной, что испугался даже Сталин.

Вспоминает Сергей Тихвинский: «Как только войска китайской компартии вступили в Пекин, я получил телеграмму, подписанную лично Сталиным. Он пользовался псевдонимом «Филиппов». Это была циркулярная телеграмма всем консулам, находившимся на территории, освобожденной Народно-освободительной армией. Она гласила, что с момента вступления в город Народно-освободительной армии закрывается официальная деятельность консульского учреждения».

С этого момента Сергей Тихвинский стал ключевой фигурой в советско-китайских отношениях.

Сергей Тихвинский: «Сталин опасался возможной военной интервенции Соединенных Штатов в случае, если будет доказано, что Советский Союз помогает китайским коммунистам. Чтобы замаскировать это, было указание, что руководитель учреждения – в данном случае генеральный консул – имеет право при необходимости и согласовании с МИДом поддерживать личные контакты с представителем новых властей. Вот я и пользовался этим правом».

Отныне встречи с Мао Цзэдуном проходили в обстановке строгой секретности. Разведчики передали, что Вашингтон рассматривает возможность нанесения по Китаю ядерного удара. Надо было спешить. И тогда Мао Цзэдун решился на отчаянный шаг.

1 октября 1949 года он провозгласил создание Китайской Народной Республики. Американцы опоздали. Между тем счет шел буквально на часы: в тот же день, 1 октября, советский консул в Пекине Сергей Тихвинский получил письмо министра иностранных дел Китая Чжоу Эньляя с просьбой об установлении дипломатических отношений с Советским Союзом. Уже на следующий день, 2 октября, Москва выступила с официальным заявлением о признании нового государства.

Пожалуй, лишь теперь Запад был вынужден обратить внимание на нового лидера Китая – и с ужасом обнаружил в его руках томик Сталина. И действительно, Мао Цзэдун очень быстро вообразил себя Сталиным номер два. Через полгода он отправился в Москву – можно только представить, как за долгую дорогу из Пекина Мао бесчисленное количество раз проигрывал в своем воображении мельчайшие детали встречи с тем, кого считал своим учителем и кумиром. Однако все произошло совсем иначе.

Виктор Усов, доктор исторических наук, научный сотрудник Института Дальнего Востока Академии наук: «Еще до 1949 года, до основания Китайской Народной Республики, он пытался приехать в Советский Союз и слал телеграммы, чтобы Сталин его принял. Тот не спешил, долго шли переговоры. Практически только перед самым основанием КНР он дал добро на приезд Мао Цзэдуна. Тогда поезд долго шел, причем они отобрали у гоминьдановцев, на юге страны, специальные бронированные вагоны, которые не отапливались. Когда Мао отправился зимой через всю Сибирь, то заболел и приехал очень недовольный. Пришлось даже отменить церемонию встречи на вокзале».

Чутьем опытного психолога Мао в первую же секунду понял: все идет как-то не так. Вежливые улыбки Молотова, холодная учтивость генералов и скомканная церемония встречи свидетельствовали, что в сталинском сценарии китайскому лидеру отведена совсем другая роль, и горечь этой чаши Мао еще предстояло испить до дна. Его привезли на московскую дачу Сталина, а потом словно забыли о нем. Слоняясь по огромному парку спецобъекта, Мао напрасно ждал встречи с Учителем. Время шло, а хозяин упрямо не замечал присутствия гостя в своем доме, искусно уклоняясь от встреч с ним, хотя жили они в одном и том же здании, только Сталин на первом этаже, а Мао – на втором.

Так ни разу и не повидавшись, они в разных машинах отправились на торжества, посвященные семидесятилетию Сталина. В сущности, к этому моменту Мао был готов ко всему. Но когда Учитель неожиданно усадил его рядом с собой как почетного гостя, Мао понял, какая тонкая игра велась все это время. Понял и оценил.

Мао Цзэдун на праздновании 70-летия Иосифа Сталина в 1949 году

Сергей Тихвинский: «*Сталин ему оказывал все знаки внимания, но не большие, чем остальным иностранным участникам. И уже после подписания договора, на прощальном приеме в «Метрополе», он поднял тост за великого китайского марксиста-ленинца Мао Цзэдуна, тем самым его полностью реабилитировав.*

Сталин не доверял Мао Цзэдуну, а может быть, угадав в нем талантливого имитатора, просто не хотел собственными руками лепить двойника, поэтому милость и равнодушие отмечал поровну. В эти же дни между Китаем и Советским Союзом был подписан договор, который начинается словами «вечная дружба». Это утверждение, скрепленное рукопожатием вождей, становится путеводной звездой для двух народов.

Сталин умер через три года. Первый же приезд Хрущева в Пекин показал, что Мао Цзэдун уже не тот младший брат, которого можно было держать в приемной. Отныне он готов быть только на равных – более того, не прочно продемонстрировать собственное превосходство и тонко мстить за пережитые когда-то унижения. Грубоватый и недалекий Хрущев вначале этого не понял и, быть может, сам того не желая, подыграл Мао Цзэдуну. Почувствовав это, тот начал вести себя где-то покровительственно, а где-то и по-восточному экстравагантно. В один из первых приездов Хрущева Мао принял его в бассейне и предложил вместе поплавать и поговорить. Хрущев, у которого даже не было с собой плавок, не долго думая разделся и в семейных трусах плюхнулся в воду. Такие вот доверительно-семейные отношения – «без галстуков», как выразились бы сейчас.

Мао Цзэдун и Иосиф Сталин на церемонии подписания

Но продлилась эта идиллия недолго. Первым яблоком раздора стал доклад о культе личности Сталина. Для китайской делегации он оказался неожиданностью, как и для самого Мао.

Когда стало известно, что Хрущев будет выступать с секретным докладом о культе Сталина, глава китайской делегации Джю Дэ сразу послал шифровку в Пекин: «Как себя вести? Будут критиковать Сталина – уезжать нам или нет?» Якобы Мао ответил: нет, не уезжайте, но свое мнение не высказывайте, сидите и слушайте.

Причина такой реакции объяснялась просто: к 1956 году в Китае имя Сталина прочно ассоциировалось с именем Мао Цзедуна. Он тщательно копировал советского вождя, и удар по культу личности Сталина, который нанес Хрущев, одновременно был ударом и по Мао. Официально Мао Цзедун был оскорблен тем, что Хрущев не поставил его в известность о докладе. И в то время, когда в Советском Союзе имя Сталина вымарывалось из истории, в Китае, напротив, были организованы демонстрации в его поддержку. Впрочем, архивы Министерства иностранных дел хранят достаточно и других свидетельств ухудшения советско-китайских отношений. К тому же импульсивный и несдержаный Хрущев внезапно стал вести себя с Мао Цзедуном как с рядовым секретарем какого-нибудь обкома.

Вот как о тех событиях мне рассказывал легендарный советский дипломат, **доктор исторических наук, постоянный представитель СССР при ООН с 1955 по 1960 год, Чрезвычайный и Полномочный Посол в Китае с 1986 по 1990 год Олег Трояновский:**

«Во многом вина за то, что наши отношения испортились, лежит на Хрущеве. Может быть, он даже и не хотел этого, но его манера поведения вызывала у них раздражение. И были такие эпизоды, которые сильно подпортили отношения».

Говорят, что однажды Хрущев даже назвал Мао Цзедуна «старой калошой». Не в глаза, конечно, а так, в пылу разговора. Переводчикам наверняка пришлось попотеть, перекладывая

на китайский сказанное Хрущевым. Впоследствии Никита Сергеевич, может, и рад был бы отказаться от этой формулировки, но слово не воробей.

Впрочем, воробьям чуть позже тоже досталось. К этому времени Мао Цзэдун дал своему народу новый лозунг: «Большой скачок». Это что-то вроде нашей индустриализации, но на китайский манер. Сотни миллионов трудолюбивых рук круглосуточно должны были что-то копать, носить, поднимать. Безропотным китайцам предписывалось выплавлять чугун в самодельных печках прямо у себя в огороде и, между прочим, убивать воробьев. Пернатые «враги народа» имели несчастье питаться зерном, а его в закромах родины не хватало. Позже птиц реабилитируют, чугун, отлитый на крестьянских дворах, окажется никуда не годным... но это будет потом. А пока народ заучивал цитаты Великого Кормчего и верил, что через три года начнутся 10 000 лет счастья. В Москве за этими экспериментами наблюдали снисходительно и по-прежнему считали Китай младшим братом.

В 1958 году был подписан документ, который, по задумке Хрущева, должен был еще больше привязать Пекин к Москве. Согласно ему, любое нападение на Китай должно было рассматриваться Советским Союзом как агрессия против себя самого: самонадеянность Хрущева и впрямь не знала границ. Ставя свою подпись под документом, он, кажется, искренне считал Китай едва ли не еще одной республикой Страны Советов. Вежливые улыбки китайских дипломатов его не смущали. Холодный душ не заставил себя ждать: еще не остыл сургуч, скрепивший текст договора, как китайские товарищи попросили помочь создать собственную атомную бомбу. Такого поворота событий Хрущев явно не ждал. Вооружать строптивого соседа ядерным оружием не входило в планы Кремля. Но когда Москва отказалась, пришел черед обидеться Китаю. Тон переговоров стал неуклонно меняться.

Вот что вспоминал в нашей беседе о том времени генерал-майор КГБ СССР, начальник нелегальной разведки с 1979 по 1991 год, резидент советской разведки в Китае с 1964 по 1968 год Юрий Дроздов: «Переговорами занимались два посла. Один из них – Степан Васильевич Червоненко, второй – Сергей Григорьевич Лапин. Степан Васильевич Червоненко очень глубоко понимал китайскую психологию и обращал внимание на все мелочи. Сергей Григорьевич был человек более порывистый: ему казалось, что вот он приехал, поговорил, и все. Нам приходилось его останавливать – обращать внимание на целый ряд нюансов. Говорили, что дружба между советским народом и китайским народом должна крепнуть. Лапин говорил, что это правильный лозунг, а мы ему указывали: посмотрите на такую мелочь, это уже не китайско-советская дружба, о которой мы говорили, а дружба между народами – значит, правительство и все другие руководящие структуры и партии из дружеских отношений исключены».

Но и это хрупкое равновесие продолжалось недолго: обидевшись на непослушание, Хрущев в одночасье отозвал из Китая всех советских специалистов. Ссора стала публичной. Развъяренные толпы осаждали наше посольство в Пекине: Москве сразу припомнили все обиды. Но тут внезапно Хрущева отправили в отставку. К этому времени обстановка накалилась до предела: Пекин печатал карты, на которых советский Дальний Восток был выкрашен в желтый цвет. В свою очередь, Москва стянула к границе войска. В воздухе явственно пахло войной.

Отставка Хрущева оказалась редким шансом поправить положение. Счет снова пошел буквально на часы. В Москву спешно прилетел самый последовательный сторонник нормализации советско-китайских отношений Чжоу Эньлай и сразу отправился в здание МИДа. В ходе негласных консультаций дипломаты договорились всю вину свалить на Хрущева и начать дипломатические отношения заново. Однако глупость одного из высокопоставленных лиц и на этот раз испортила все.

Олег Трояновский: «Начался разговор довольно мирно, но потом на приеме к Чжоу Эньлаю подошел маршал Малиновский, который не нашел ничего лучшего, как сказать: «Товарищ Чжоу Эньлай, вот мы – раз, и отделались от Хрущева, теперь ваша очередь отделаться

от Мао Цзэдуна». Как вы понимаете, сказать что-нибудь хуже было невозможно. Я стоял как раз недалеко от них и видел, что у Чжоу Эньлай изменилось лицо. Прошло несколько минут, и он ушел с этого приема».

Не попрощавшись, Чжоу Эньлай отправился в аэропорт. Буквально через несколько дней Китай провел испытание собственной атомной бомбы, а на советско-китайской границе началось то, что кроме как ужасом назвать невозможно. 2 марта 1969 года на крохотном пограничном острове был расстрелян советский пограничный наряд. Весь мир узнал, где находится остров Даманский, а две коммунистические державы оказались на грани ядерной катастрофы. Но это уже другая история.

Глава 2

Ясное небо над Китаем

Один из самых крупных городов Китайской Народной Республики называется Ухань. За свою красоту этот город, ставший более 3000 лет тому назад одним из центров китайской цивилизации, получил в Поднебесной прозвище «город Великих рек». В наши дни на его территории в 8500 квадратных километров проживает 10 миллионов человек. И едва ли не каждый из них раз в году, во время праздника поминовения усопших, вспоминает не только своих некогда умерших родственников, но и сотню советских летчиков-волонтеров. Благодаря им и вопреки воле почти всего международного сообщества в 30-е годы прошлого столетия здесь, в Ухане, захлебнулся блицкриг японской армии, которая должна была всего за какой-то месяц полностью поработить Китай – чтобы потом, при помощи других любителей блицкригов, сделать то же самое и с Советским Союзом.

Город Ухань

Сегодня, как на Западе, так и в нашей стране, мало кто об этом вспоминает, но здесь, в городе Ухань провинции Хубэй, в 1938 году состоялось самое масштабное во всем мире воздушное сражение, длившееся целых четыре месяца. Многочисленным японским истребителям и бомбардировщикам противостояли всего несколько десятков добровольцев, прибывших из Советского Союза на помощь Китаю в войне с Японией. И все же именно тогда, несмотря на сдачу города, удалось сломить японскую армию, уничтожив основные силы ее ВВС, и этим спасти десятки тысяч китайцев от геноцида и в конечном итоге ослабить японцев в предстоящей, куда более крупномасштабной войне.

Советские летчики, бортмеханики и инженеры добровольно отдали свою жизнь даже не за собственную родину, а фактически за другое государство, которое подверглось нападению

агрессора и вплотную столкнулось с угрозой уничтожения, но которому никто, кроме этих людей, не захотел тогда оказать помощь.

Командир эскадрильи истребителей капитан Алексей Благовещенский побывал в 11 воздушных сражениях с японцами и лично сбил семь самолетов. Другой офицер – Федор Полянин – одним своим боевым вылетом показал противнику, что неприступных крепостей не бывает и на каждую самую храбрую эскадрилью может найтись еще больший смельчак.

На могиле еще одного героя китайско-японской войны – Григория Кулишенко, командаира группы дальних бомбардировщиков, вошедших в историю под названием «воздушные тигры», – установлен памятник. На нем с двух сторон выгравирована надпись на китайском и русском языках: «Здесь покоится прах командира авиаэскадрильи советских добровольцев, геройски погибшего в войне китайского народа против японских захватчиков, Григория Акимовича Кулишенко».

В Китае, где этого человека до сих пор знают под искаженным на местный манер именем Кули Шен, о нем ходят легенды. Именно Григорий Акимович, настоящий богатырь не только по китайским, но даже по русским меркам, всего за один день – 14 октября 1939 года – ценой собственной жизни смог уничтожить целый аэродром в сотню японских истребителей, а также несколько зенитных орудий и складов авиабомб в оккупированном агрессорами городе Ухань. В этом бою Кулишенко был смертельно ранен японцами, однако смог посадить свой бомбардировщик на базе и только после этого скончался.

Вот что рассказал об этом **военный историк Илья Моцанский**: «Говоря о группе во главе с Кулишенко, надо сказать о том, что это были летчики дальнебомбардировочной авиации, которые впервые были оснащены самолетами ДБ-А. Впоследствии на базе этих самолетов были сделаны четыре конструкции Ильюшина. До этого они не применялись в Китае, а летом 1939 года было переброшено две авиагруппы. Одной командовал Кулишенко, второй – Козлов. В течение октября 1939 года эти авиагруппы нанесли три удара по авиабазам в районе Ханькоу, где уничтожили в общей сложности 136 японских самолетов, при этом погиб командующий авиационной флотилией японский контрадмирал. После этого самолеты ДБ-3 были переданы китайским товарищам, и дальше они уже самостоятельно летали на них».

Сегодня многие китайские историки, в отличие от своих западных коллег, уверены: Вторая мировая война, в которой довелось поучаствовать 62 государствам, на самом деле началась не осенью 1939-го, а гораздо раньше – летом 1937 года. Именно тогда Япония, уже давно начавшая захватывать китайские провинции якобы для их демилитаризации, сочла нужным попросту поработить весь Китай. Повод для начала крупномасштабных военных действий в Поднебесной самураи организовали сами, устроив хитроумную провокацию с так называемыми учениями собственных войск неподалеку от Пекина 7 июля 1937 года. Тогда в окрестностях китайского города Ваньпиня во времяочных маневров пропал один из японских солдат. Ответственность руководство японской армии тут же возложило на гарнизон Ваньпиня, состоявший из китайцев, и отправило в город карательный отряд. К тому времени как «плененный» японский солдат нашелся в расположении собственной военной части, в городе уже шли ожесточенные бои. Именно они стали началом настоящего террора японцев против Китая. Всего через пару недель не способные к сопротивлению хорошо вооруженным и обученным захватчикам китайцы сдали Пекин.

Дело в том, что значительная часть Северного Китая была уже захвачена японцами, и японские войска находились фактически в пригородах древней столицы Поднебесной. И вторая японская война началась как раз в пригороде Пекина с инцидента у моста Лугуцяо с якобы пропавшим солдатом. После этого японцы начали бомбардировку пригородов Пекина и, несмотря на ожесточенное сопротивление китайцев, вскоре взяли этот городок, а затем и сам Пекин.

Сразу вслед за этим состоялось выступление тогдашнего лидера недавно зародившейся коммунистической партии Китая Мао Цзэдуна. Он призвал китайский народ дать отпор японским милитаристам – и в стране развернулась настоящая партизанская борьба. Китайские женщины закладывали динамит на железных дорогах, чтобы не пропустить поезда с японским вооружением. Партизаны-мужчины и новобранцы Китайской освободительной армии прятались в землянках с потайными ходами и мини-бойницами для винтовок. Правда, несмотря на все эти хитрости и уловки, вооружения, равно как и навыков ведения войны, достаточных, чтобы справиться в боях с хорошо подготовленными самураями, у китайцев не было.

При этом от авиаударов японских асов гибли тысячи мирных жителей. Японцы занимали китайские города в среднем по одному за трое суток.

Никаких средств ПВО в Китае не существовало, оперативной связи не было. О приближении случайно замеченных японских самолетов предупреждали телефонными звонками. Китайская авиация, оснащенная устаревшими, несовременными самолетами, вскоре была уничтожена практически вся.

«В 1935 году американская компания Curtiss-Wright заключила договор о постройке в Китае авиазавода для сборки американских истребителей Curtiss Hawk-2, а потом Curtiss Hawk-3. Это был неплохой достаточно современный биплан. Биплан – это самолет с двумя крыльями, достаточно маневренный, с убирающимся шасси. Но, когда началась война, оказалось, что японцы сделали всем сюрприз. Основу японской истребительной авиации стали составлять истребители «тип 96» – это морской истребитель, и позже, с сентября 1937 года, истребитель «тип 97», он же Ки-27 – армейский японский истребитель. Это были монопланы, хоть и с неубирающимся шасси, но достаточно современные, с высокой скоростью – от 440 до 470 километров в час. И более маневренные американские бипланы проигрывали им в воздушных сражениях. К тому же китайцы собрали не так уж много этих Hawk’ов. Кроме Hawk’ов, на вооружении китайской армии были самолеты Breda, Ba-27 и «Фиаты» GR-32 – так называемые пиренейские сверчки, известные по войне в Испании. Всего к лету 1937 года в китайских BBC насчитывалось около 600 самолетов. Уже через два месяца из этих самолетов, из которых только 305 были боеготовыми, осталось два-три десятка. Остальные были японцами выбиты, так как японская авиация обладала большим опытом и была лучше подготовлена. И тогда китайские специалисты и политики обратились за помощью к СССР».

Японцы на китайской земле в ходе войны 1937г.

Любопытно, но, несмотря на постоянные бомбардировки Китая и захват целых провинций японцами, западные страны, такие как США и Великобритания, долгое время предпочитали этого просто не замечать. Даже после того, как война между Китаем и Японией стала тотальной, представитель МИДа Великобритании Энтони Иден, так же как и представители Государственного департамента США, на полном серьезе заявлял всему международному сообществу в лице Лиги Наций: Япония никакой не агрессор и войны с Китаем не ведет. А то, что происходит на Дальнем Востоке, – всего лишь небольшой локальный конфликт. И это несмотря на доказательства военных преступлений, представленные китайской делегацией в качестве ноты Лиге Наций...

А вот что говорится в декларации, которую США, как видно, уже в те времена бывшие «самым справедливым» государством на Земле, вручили представителям 62 государств. Произошло это 16 июля 1937 года, в то самое время, когда японские войска вовсю уничтожали мирных китайцев: *«Основными принципами американской внешней политики являются миролюбие и гуманность, соблюдение международных соглашений, свобода торговли и уважение принципа равных возможностей...»*

Сегодня многие историки считают: все миролюбие, о котором писали представители Госдепартамента США в самый разгар войны, сводилось всего лишь к поставке вооружений Японии... Правда, ровно до тех пор, пока дома у американцев не грянул Перл-Харбор.

А вот Англия закрывала глаза на агрессию против Китая по другой, но не менее корыстной причине. Незадолго до конфликта китайское правительство, возглавляемое сначала Сунь Ятсеном, а затем Чан Кайши, закрыло и национализировало множество британских концессий, которые устанавливали в Поднебесной собственные тарифы и налоги, наживаясь на Китае, как на своей провинции. Теперь британцы полагали, что китайцы могут отнять у них Гонконг, – что впоследствии и произошло. Кроме того, Великобритания, связанная так называемым англо-японским договором, попросту не считала Японию противником и была уверена, что ее война на Дальнем Востоке как-нибудь обойдет.

Для кого-то ситуация может выглядеть как дежавю: практически так же западные государства ведут себя и во время сегодняшнего конфликта на Украине, высасывая из нее последние соки, при этом игнорируя массовые убийства мирных жителей, бездоказательно обвиняя Россию в уничтожении малайзийского «Боинга» и говоря об аннексии украинских территорий... Тогда, в 1930-е годы, самое миролюбивое государство так и не ввело санкций против Японии, несмотря на просьбы многих представителей Лиги Наций. Точно так же, как сегодня не идет речь ни о каких санкциях против украинского правительства.

В конце концов, единственной страной, оказавшей Китаю помощь в войне против агрессора, стал Советский Союз.

27 августа 1937 года, уже давно поняв, что от США или Европы ждать помощи не приходится, главнокомандующий вооруженными силами Китая Чан Кайши встретился с послом Советского Союза в Китае Дмитрием Богомоловым. Просьба главнокомандующего к советскому правительству: если не вступить в прямое столкновение с японцами, то хотя бы разрешить советским летчикам в качестве добровольцев вступать в китайскую армию, параллельно проводя инструктаж местных летчиков. Сталин после разговора с послом согласился не только на отправку добровольцев, но и на предоставление Советским Союзом техники и денежного кредита Китаю.

Получается, тогда, так же как в сегодняшней войне на Донбассе, помощниками более слабой стороны стали именно добровольцы. Их задачей было обучить китайцев навыкам ведения воздушного боя, строительству аэродромов и обращению с самыми современными на тот момент истребителями.

Андрей Хрюкин, сын дважды Героя Советского Союза генерал-полковника Тимофея Хрюкина, вспоминает: «Чан Кайши, тогдашний руководитель Китая, обратился за помощью к Советскому Союзу. Естественно, наше государство не осталось в стороне. Когда наши воевали в Испании, то поначалу испанцы даже платили за ту технику, которую мы предоставляли, за самолеты, за танки. Они платили, пока у них были деньги. Но на стороне китайского народа наши воевали не за деньги. Мы давали им в долг и деньги, и технику.

Моему отцу многие говорили: «Тимофей, куда ты? Ты еще от той командировки не отошел. У тебя жена только что родила». А он отвечал: «Я не могу, когда там китайский народ гибнет от японских милитаристов. Моя обязанность – воевать и защищать китайский народ».

В марте 1938 года они перелетели из Алма-Аты в Китай. После предыдущей группы им достались самолеты в очень плохом состоянии. Было очень много самолетов, уже выработавших ресурс двигателей. Много подбитых самолетов.

Отец вспомнил свою довоенную профессию – он был молотобойцем. А ранние самолеты были на заклепках, и вот летчики день и ночь их клепали. Никто не верил, что отец – командир этой группы. Как же так? Командир должен ходить в белой одежде со стеком в руке, а этот с большим молотом самолеты ремонтирует... Группа была из десяти самолетов. После того как они вот эти самолеты отремонтировали, они перелетели в Ханькоу. Командировка была три месяца по штату, то есть через каждые три месяца летчики менялись. Но так как отец себя хорошо зарекомендовал, его оставили на второй срок, то есть он там был два срока – шесть месяцев».

Илья Мощанский: «21 августа 1937 года между СССР и Китаем был подписан договор о ненападении и военной помощи. Военная помощь осуществлялась двумя потоками. Во-первых, сначала мы предполагали дать им достаточно большое количество современных самолетов и организовать инфраструктуру и боевое управление, для того чтобы они могли в первую очередь осуществлять ПВО столицы, Нанкина, и потом уже наносить бомбовые удары. Но ситуация изменилась, оказалось, что нужно большие бомбардировщиков, чем истребителей.

То есть в процессе боевых действий количество скоростных бомбардировщиков СБ – а всего было передано 222 СБ – продолжало нарастать, а истребителей – уменьшаться.

И во-вторых, как выяснилось уже в сентябре 1937 года, нашей военно-технической помощи было недостаточно. И уже в сентябре 1937 года они стали просить о том, чтобы на территорию Китайской Республики были переброшены советские добровольцы, по типу Испании. Была разработана специальная операция «Зет», на территорию Китая первой партией перебросили 447 советских добровольцев. Этих людей отбирали из тех, которые прошли Испанию.

Само формирование этого подразделения происходило на базе авиабригады Академии воздушного флота имени Жуковского под Москвой. Затем их перебрасывали в Китай.

Существовало несколько направлений переброски самолетов и техники. Что-то перебрасывали воздушным мостом через Монголию, что-то кораблями, которые приходили в Гонконг, Бирму, Вьетнам, Хайфон, Рангун, а затем уже это переправлялось в Китай и там собиралось. Потом уже была пробита дорога практически к Китаю – технику доставляли на грузовиках, и непосредственно на месте китайцы ее собирали.

Наши военные летчики сражались в Китае с 21 ноября 1937 года по 10 января 1940 года. В 1940 году группа под командованием Коккинаки провела свой последний воздушный бой. Постепенно ситуация стала такова: мы готовили китайских летчиков и выходили из боевых сражений, предоставляя китайцам все возможности побеждать. Непосредственно военно-техническое обеспечение осуществлялось фактически до июня 1941 года, но формально считается, что это 1942 год, потому что китайцы из комплектов, которые поставлялись из Советского Союза, до 1942 года собирали истребители.

Всего было 1250 самолетов, из них 216 И-16 – «шиак», он же «чатос», как называли его в Испании, или «курносый», «тип 5» и «тип 10». И-15 и И-15-бис – этих машин было около 360. Двадцать четыре ДБ-3 и шесть ТБ-3 – это тяжелые четырехмоторные бомбардировщики, они в боевых действиях не участвовали, а использовались как транспортники. Кроме этого, у некоторых региональных правительств Китая были советские разведчики Р-5. А в 1940 году, когда у японцев появился знаменитый Zero – истребитель флота, – мы передали китайцам около сотни истребителей И-153 «Чайка». Это наши самые скоростные бипланы, которые себя хорошо проявили в боях на Халхин-Голе».

Считается, что в частях японской армии, выделенных для войны с Китаем, было 700 боевых самолетов, в то время как у китайцев их было ненамного меньше – 600. Но, по воспоминаниям советских технических инженеров-первоходцев, приземлившихся на китайские аэродромы, большая часть этих самолетов была неисправна. Мало того – в китайской армии попросту не хватало летчиков, и боевыми машинами некому было управлять. Однако для советских летчиков, отправившихся в Поднебесную, это оказалось далеко не самым неприятным сюрпризом...

Осенью 1937 года одна из первых групп добровольцев отправляется на начальную точку авиатрассы Алма-Ата – Ланчжоу. В состав экипажей входят летчики Ломакин, Дорофеев, борт-механики Рубан и Талалихин и два стрелка-радиста – Анисифоров и Спиридонов. Перед этим для приемки советских самолетов, их техобслуживания и подготовки к длительному перелету в Китай в Алма-Ате создается специальная база под руководством полковника Грязнова. Именно отсюда в Китай должны были бесперебойно поставляться истребители И-15 и И-16 и скоростные и тяжелые бомбардировщики. И это при том, что на всей трассе протяженностью 3000 километров не было средств ни воздушной, ни наземной связи, а во время пылевых бурь летчики не видели не только основного ориентира – грунтовой дороги, вдоль которой проходила воздушная трасса до аэродрома Ланчжоу, – но даже друг друга.

Андрей Хрюкин: «Отец рассказывал, что раньше у самолетов не было никакой радиосвязи. Они только покачиванием крыльями могли передавать какие-то сигналы друг другу.

Поднялись они группой на большую высоту. Облачность была сильная, и летчики растеряли друг друга, садились кому где придется. А у Китая своеобразный ландшафт. У них вся более-менее ровная площадь занята посевами под рис, напоминающими болото. И при посадке, когда наши летчики садились в эти болота, самолеты переворачивались, и один экипаж даже погиб.

Они улетали неизвестно на какое расстояние от аэродрома. Языка не знают, связи никакой нет, то есть каждый полет – это был полет в никуда. Неизвестно, возвратятся они или нет и что с ними будет. А если они попадутся в руки гоминьдана, японцев, то понятно, что с ними будет».

Но главные испытания ждали советских летчиков даже не в пути – а при посадке. Оказалось, что аэродром Ланчжоу нельзя было назвать аэродромом даже с натяжкой. Это была всего лишь небольшая площадка между скал, на которой были разбросаны валуны и гуляли дикие козы. Безаварийно сесть в таких условиях было практически нереально. Мало того, позже выяснилось, что большинство китайских аэродромов почему-то были построены на старых кладбищах. Иногда при взлете или посадке машины советских летчиков попросту проваливались в могилы. В таких условиях любая ошибка пилота, к тому же перевозящего на борту бомбы, могла стоить ему жизни.

Что самое невероятное – по воспоминаниям участников тех событий, у китайцев не было не только бензозаправщиков, но и топлива! Чтобы заправить истребитель на случай воздушной атаки, местным жителям приходилось вручную, на коромыслах, таскать целыми вереницами горючее из соседнего Индокитая. И это при том, что для заправки всего одного самолета этого топлива требовалось полторы тысячи литров.

Андрей Хрюкин: «*Поражало трудолюбие китайского народа. Когда аэродромы строились, когда там после бомбежки засыпали воронки, то, отец рассказывал, – никакого транспорта, никакой техники, ничего не было. Все работы производились вручную и очень быстро.*

А горючее доставляли за сотни километров. Это горючее было в двадцатилитровых канистрах. Каждый китаец вешал себе на коромысло две банки, и вереницей они шли через горы, чтобы заправить самолет. Отец вспоминал, что когда эту вереницу они в первый раз увидели, то были даже шокированы этим – и тем, конечно, сколько пришлось китайскому народу вытерпеть».

Поначалу советским добровольцам, знавшим о культуре Китая и его жителях лишь то немногое, что было перчерпнуто из скудной программы школьных учебников, и к тому же не владевшим языком, приходилось общаться с китайскими пилотами при помощи жестов, что называется, на пальцах. Иногда из-за такого невежества советские летчики, незнакомые с нравами китайцев, даже попадали в неловкие ситуации.

К примеру, по воспоминаниям будущего генерал-полковника авиации, а тогда еще простого летчика-добровольца Александра Рыкова, к его товарищу, спасшему в воздушном бою пилота по имени Ло, подошел родной брат китайца, отвесил поясной поклон, протянул свой пистолет и заплакал… Удивлению наших летчиков не было предела. Только потом появившийся на аэродроме переводчик объяснил: так китайцы обычно выражают свою благодарность, и ничего постыдного и малодушного в мужском плаче для них нет.

Но больше всего наших летчиков поразил другой китайский обычай – передвигаться по городу на рикшах, то есть в коляске с запряженным вместо лошади человеком. Для советского человека, познавшего свободу, равенство и братство, это было диким и унизительным пережитком Средневековья. А однажды, поддавшись настойчивой просьбе одного китайского полковника, группа летчиков отправилась на экскурсию в заведение, подготовленное специально для советских гостей – защитников Поднебесной от нашествия интервентов. Ко всеобщему изумлению наших бойцов, заведение оказалось… публичным домом.

Андрей Хрюкин: «Отец вспоминал, насколько бедно жили люди в Китае. Во время одной из поездок они видели, как дети собирают за верблюдами верблюжий навоз. И вот приносят домой и то, что не переварилось – зернышки кукурузы, риса, – выковыривают, потом моют и едят.

Все время их доставали рикши – как не успеют они в город выйти, рикши показывают: «Садись-садись!» Естественно, они на это никогда не шли. Но один раз отец не выдержал, взял тележку у рикши, посадил своего товарища, прокатил круг почета по площади и рикши дал доллар за работу. Рикша, конечно, опешил от этого. Летчикам понравилось это упражнение, и они друг друга начали катать. И за каждый круг рикша заработал порядка десяти долларов. Так он от счастья не знал, что делать с этими деньгами.

А когда отцу стали говорить, что он ест – там был удав, нашпигованный чем-то, – отец, конечно, очень был недоволен. Ну и потом, все-таки отец у меня был ростом 191 сантиметр. Китайцы были все небольшого росточка. И когда они начали саке предлагать по наперстку, отец говорил: я беру этот наперсток – он у меня в руке не виден. Непривычно, конечно, все это для русского человека, у нас ведь свой быт, свой уклад. Например, русские жили в Китае по своим законам, а когда попали на прием, естественно, там пришлось китайскую пищу принимать. Поэтому отца, конечно, это все если не шокировало, то удивило».

Но ближе всего своих китайских коллег нашим летчикам предстояло узнать не на совместных гулянках, а в совместных воздушных боях с превосходящими силами японцев. Первый бой состоялся 21 ноября 1937 года, когда шестерка наших истребителей И-16, «тип 5», сбила два японских истребителя «тип 96» и один бомбардировщик. При этом наши самолеты сели на базу без единой потери. Командир этой группы из десяти летчиков Курдюмов погиб еще до прибытия в Китай. Сизов, его заместитель, отказался принять командование, понимая, что десять летчиков не решат вопрос с громадной японской группировкой. Один из пилотов постоянно болел, хотя врач у него никакой болезни не обнаружил, – то есть, по сути, не хотел летать. Все было в достаточно сложном состоянии, летчики были измотаны, но тем не менее первые бои проходили успешно.

По воспоминаниям летчика Михаила Мачина, японские бомбардировщики предпочитали наступать, не отклоняясь от крупных ориентиров – к примеру, широких рек. Зная об этом, советские пилоты разработали тактику, согласно которой их самолеты несколькими группами выдвигались навстречу японской кавалькаде с двух сторон и на большом от нее расстоянии. А потом, пропуская колонну врага немного вперед, одна из групп заходила ей в хвост и внезапно нападала на истребители, отвлекая их от охраны бомбардировщиков, которых в то же самое время расстреливала другая группа. Подобных вылетов против атакующих японцев иногда приходилось совершать по пять в день – и это при том, что нормальным количеством в то время считалось три вылета в день, не более. То есть летали фактически с утра до вечера.

Самолет И-16

Но бои советских летчиков с японцами далеко не всегда были только оборонительными. Японские базы тоже постоянно подвергались атакам со стороны наших эскадрилий. Один из самых дерзких налетов на базу японцев произошел 23 февраля 1938 года. Командир одной из советских эскадрилий Федор Полынин решил таким образом отметить день Красной армии. Поздно вечером, после праздника, группа средних бомбардировщиков СБ-2 под руководством Полынина впервые из всех добровольцев и за все время войны отправилась в дальний тыл японцев – на остров Тайвань, где находились считавшиеся неприступными японский аэродром Тайбэй и порт Синчжоу. Но самое главное – именно на этом острове был сборочный цех японских самолетов, и здесь же хранились запасы топлива для фронта. Атака советских бомбардировщиков была настолько молниеносной и неожиданной, что японцы не успели даже привести в боевое положение собственные зенитки. В результате вместе с аэродромом было уничтожено 40 самолетов и трехлетний запас топлива. Но самое главное – именно в том бою были почти полностью уничтожены две элитные японские эскадрильи, до сих пор считавшиеся непобедимыми, – «Сасебо» и «Кисарадзу».

Илья Мощанский: «*Операции по налету на аэродромы в районе города Тайбэй, а это столица Формозы, Тайваня, были разработаны советскими военными советниками Павловым Рычаговым, Павлом Жихаревым и главным военным штурманом – так был закодирован комиссар военной группы в Испании Рыков. Суть была такова. Тайбэй – это глубокий тыл японской армии, он находился у японцев под контролем. Туда, на аэродромы под Тайбэй, прибывали новейшие итальянские бомбардировщики «Фиат» BR.20, которые были закуплены японцами из-за того, что новых японских бомбардировщиков, аналогичных скоростным СБ, не было. Когда они получили итальянские, было решено их сразу разбомбить на аэродромах и заодно отметить день рождения Красной армии. Предполагалось участие двух авиационных групп: одна группа Полынина из наших летчиков на 12 СБ, а вторая была смешанная, китайско-советская.*

Вторая группа, китайско-советская, заблудилась в тумане, и на цель вышло только 12 наших СБ из советских летчиков. В общем-то, они и разбомбили этот аэродром, вывели из строя, по разным данным, от 30 до 40 самолетов, трехгодичный запас топлива, который завозился на остров японскими танкерами, и несколько сот человек личного состава. На следующий день все китайские газеты вышли с заголовком, что китайская авиация нанесла мощный удар по японским захватчикам. Возглавлял эту группу некий иностранный доброволец, и все подумали, что это американец Шмидт, который в это время возглавлял эскадрилью американских добровольцев. О наших не было сказано ни слова».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.